

Алан Мур Джейсен Берроус **ПРОВИДЕНС**TM

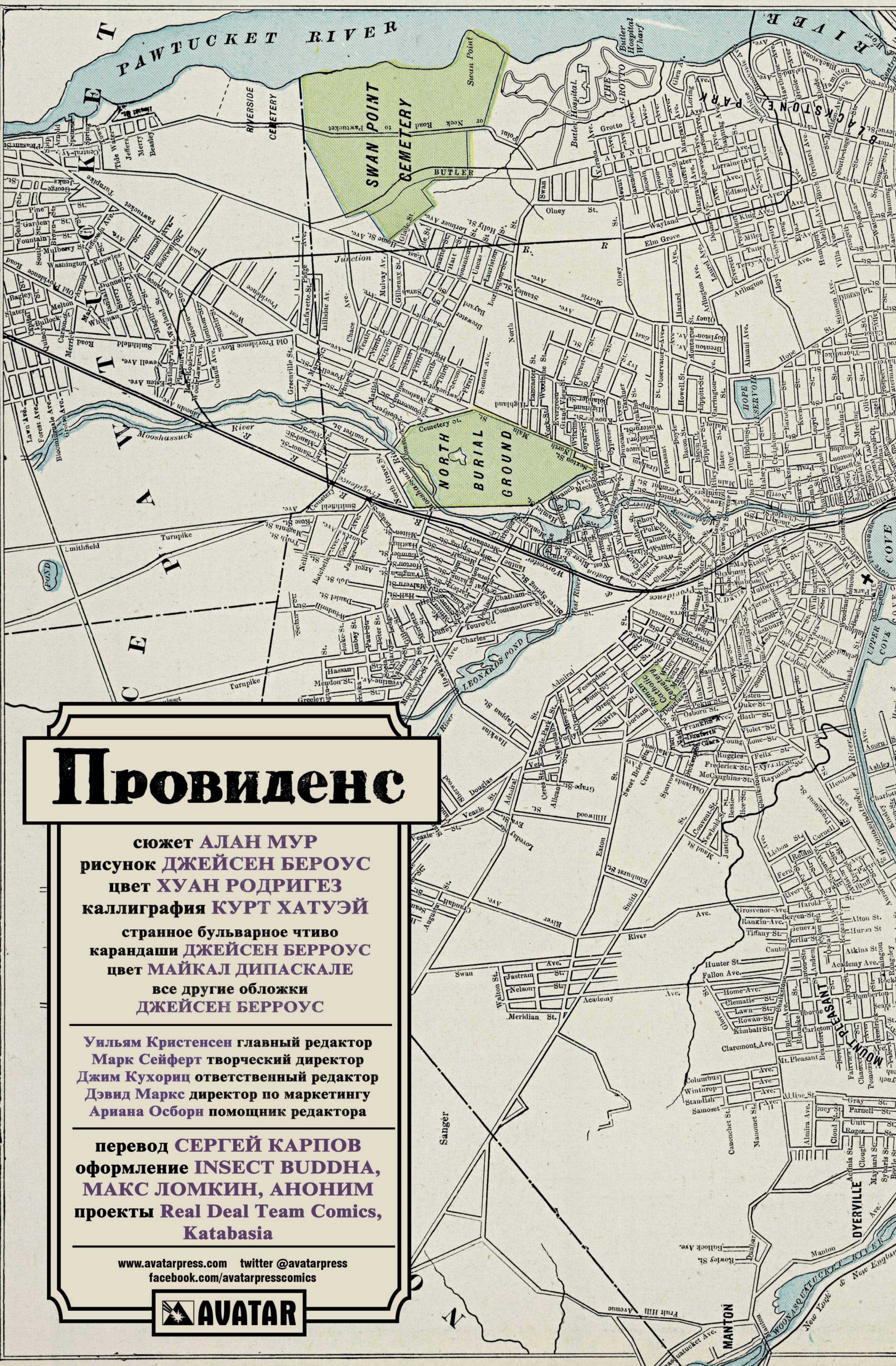

#1

RDT
REAL DEAL TEAM

Провиденс

сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕЗ
калиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
стреное бульварное чтво
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

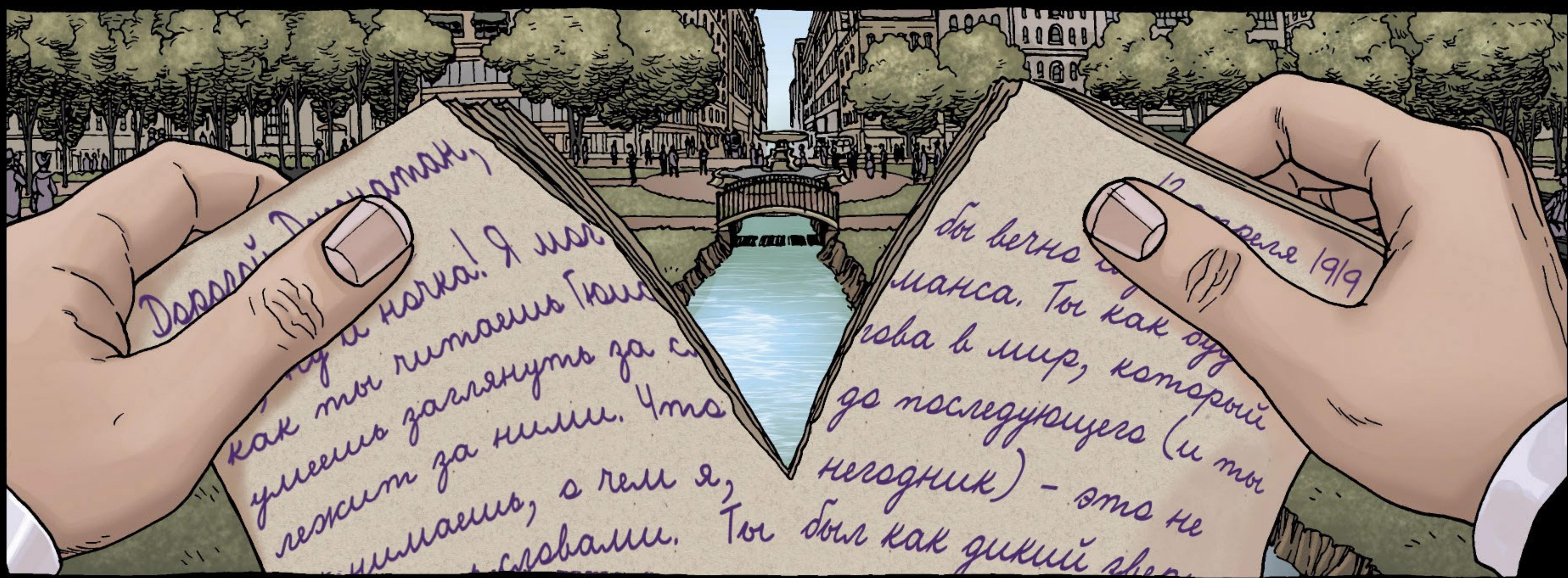
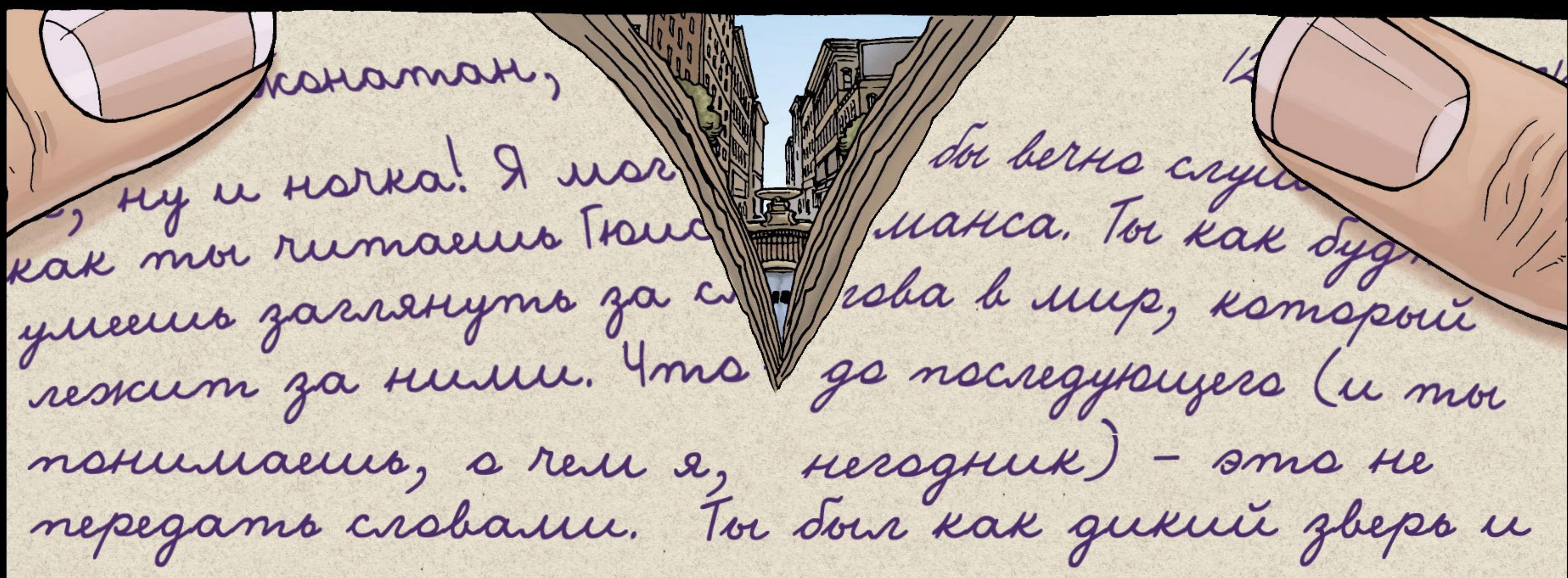
www.avatarpublishing.com [@avatarpublishing](https://twitter.com/avatarpublishing)
facebook.com/avatarpublishingcomics

Дорогой Джонатан,

12 апреля 1919

Ох, ну и ножка! Я мог бы вечно слушать, как ты читаешь Гюисманса. Ты как будто умелъ заглянуть за слова в мир, который лежитъ за ними. Чемъ до последующего (и ты понимаешь, с темъ я, негодникъ) — это не передать словами. Ты былъ как дикий зверь и

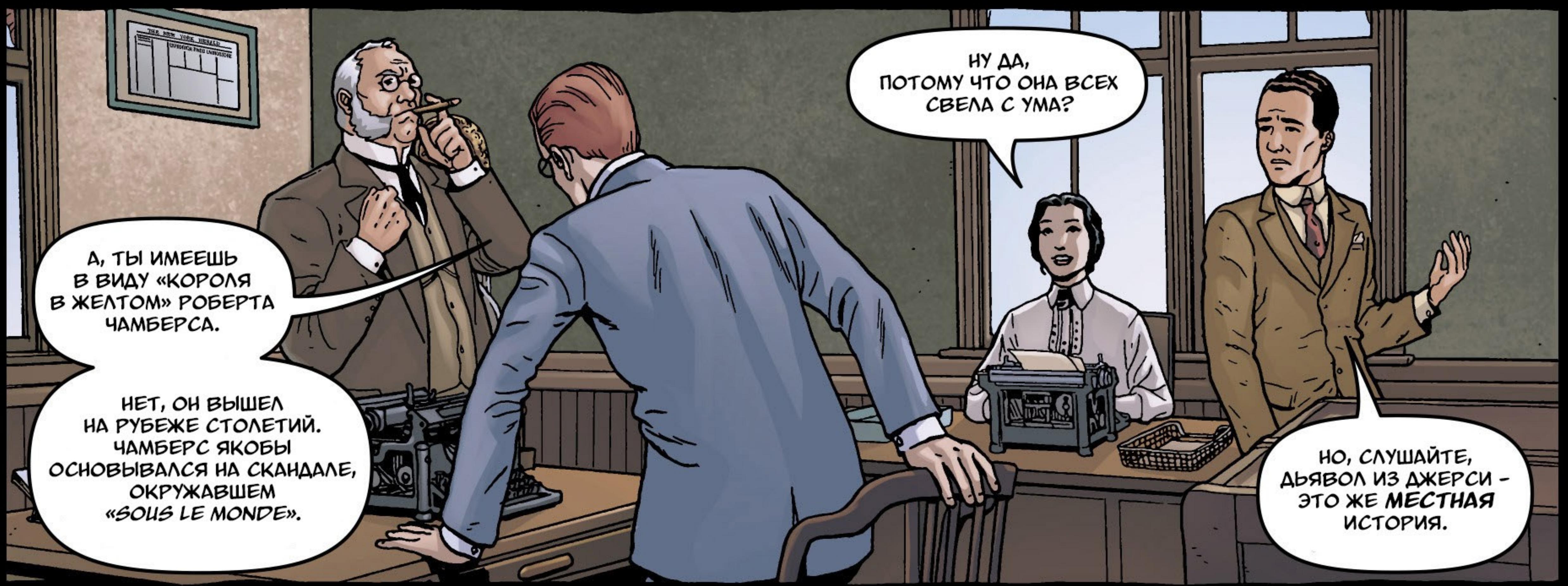
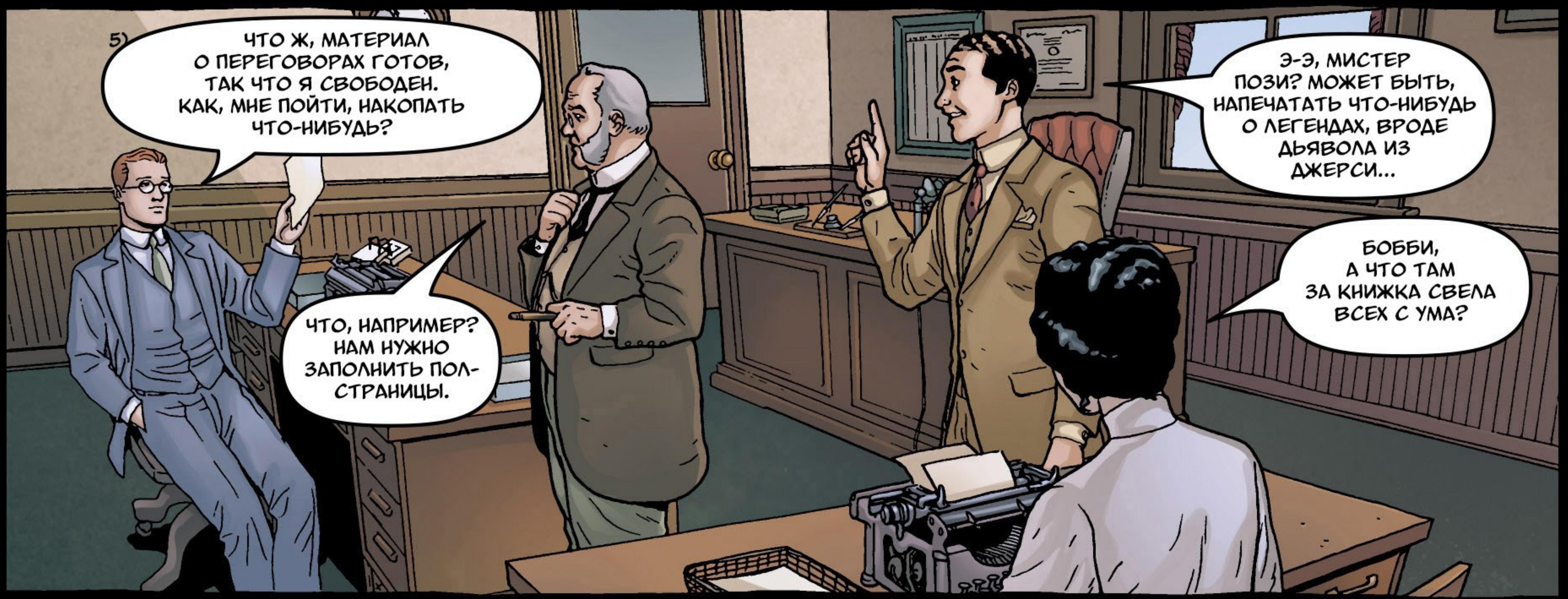
...И ТЕПЕРЬ
МЫ ВЫСАСЫВАЕМ
СЮЖЕТЫ ИЗ ПАЛЬЦА.
МЫ БОЛЬШЕ ПОХОЖИ НА...
НА БУЛЬВАРНЫХ ПИСАК,
А НЕ НА ГАЗЕТЧИКОВ.

ЗНАЕТЕ,
ЭТОЙ ЧЕРТОВ ХЕРСТ -
ОН ВСЕХ НАС ПОДВЕЛ
ПОД МОНАСТЫРЬ. БЫЛО ВРЕМЯ,
КОГДА ЖУРНАЛИЗМ СЛАВИЛСЯ
СМЕЛОСТЬЮ, - И ВЗГЛЯНИТЕ
ТЕПЕРЬ.

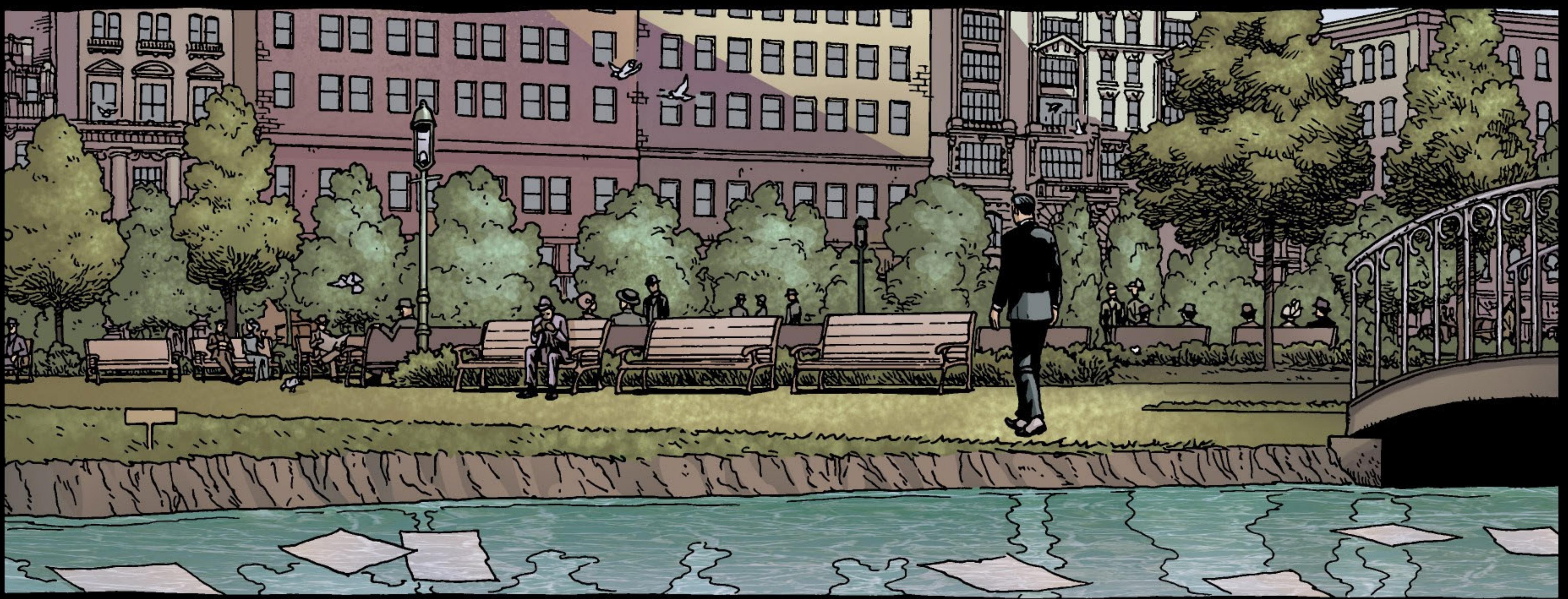
ЭТО СИМВОЛ
ПОЗОРА, ВОТ
ЧТО ЭТО.

ХМ-М.

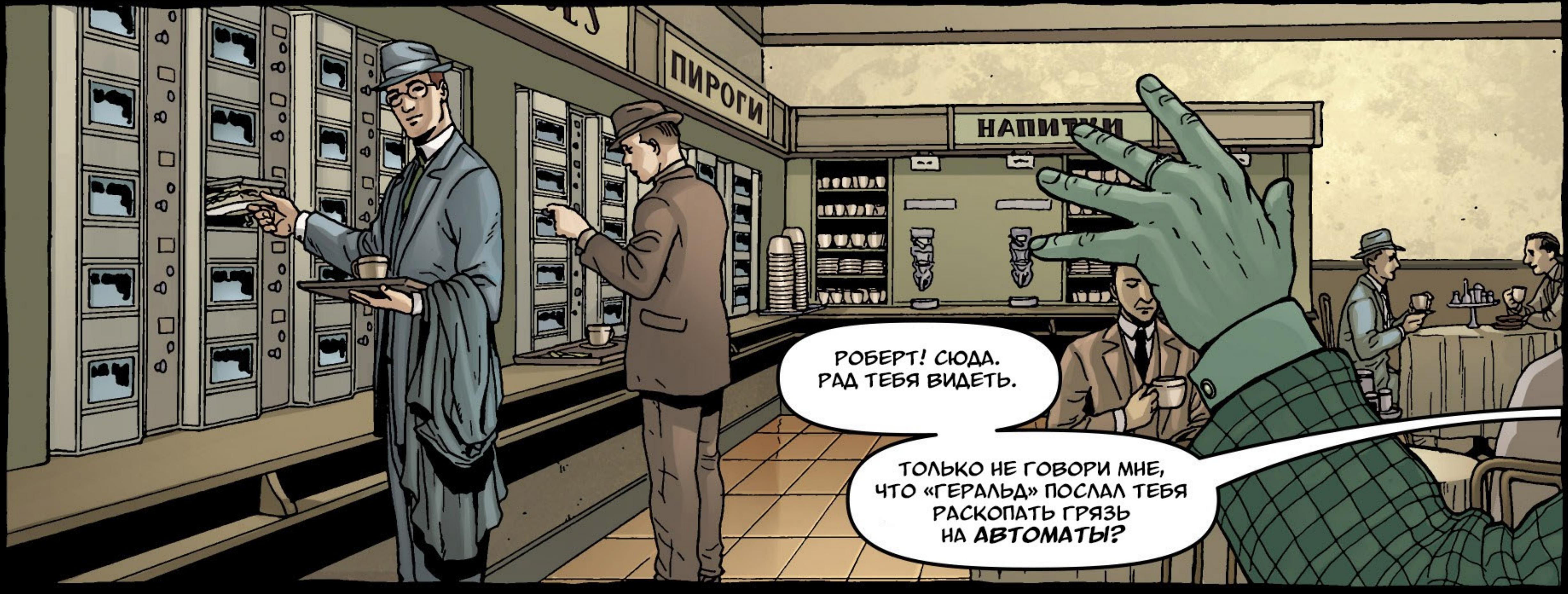
НЕ ЖЁЛТЫЙ ЗНАК

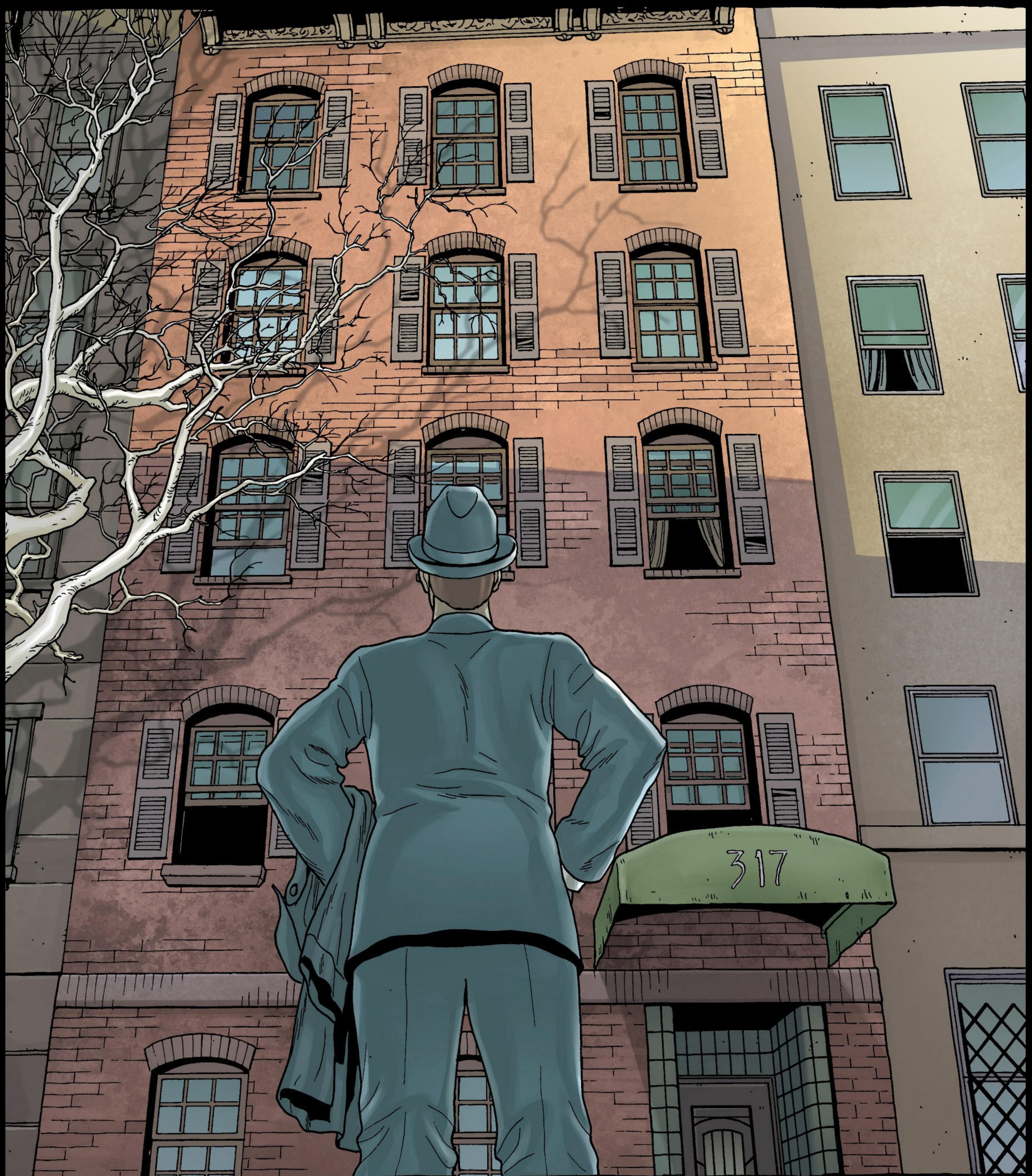

ДОМА
КТО-НИБУДЬ
ЕСТЬ?

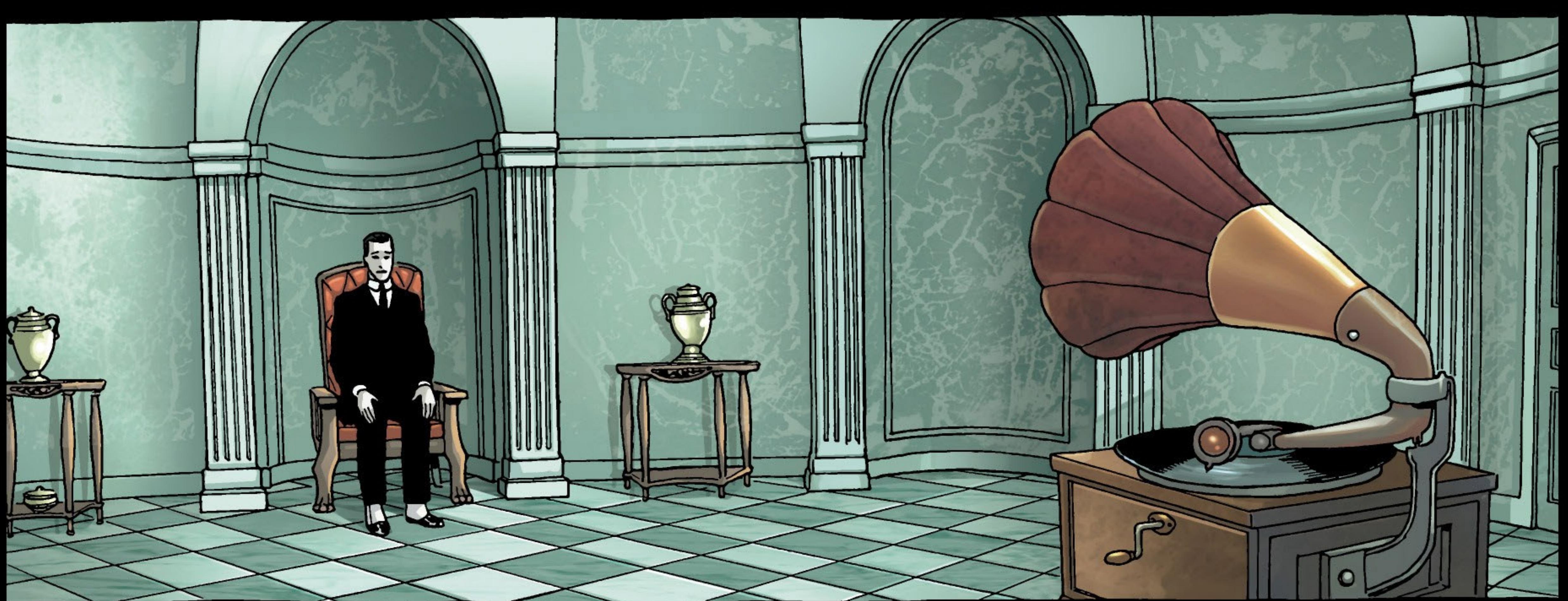
ЭЙ?

ХМ.

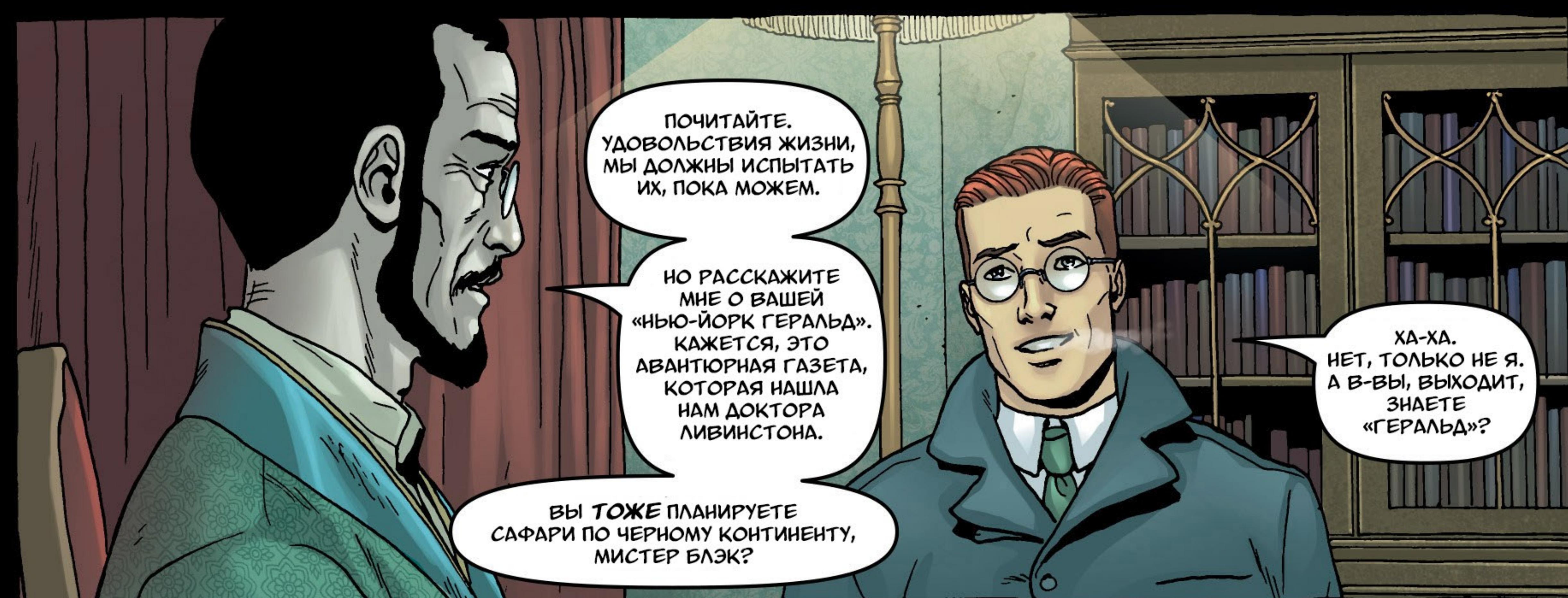

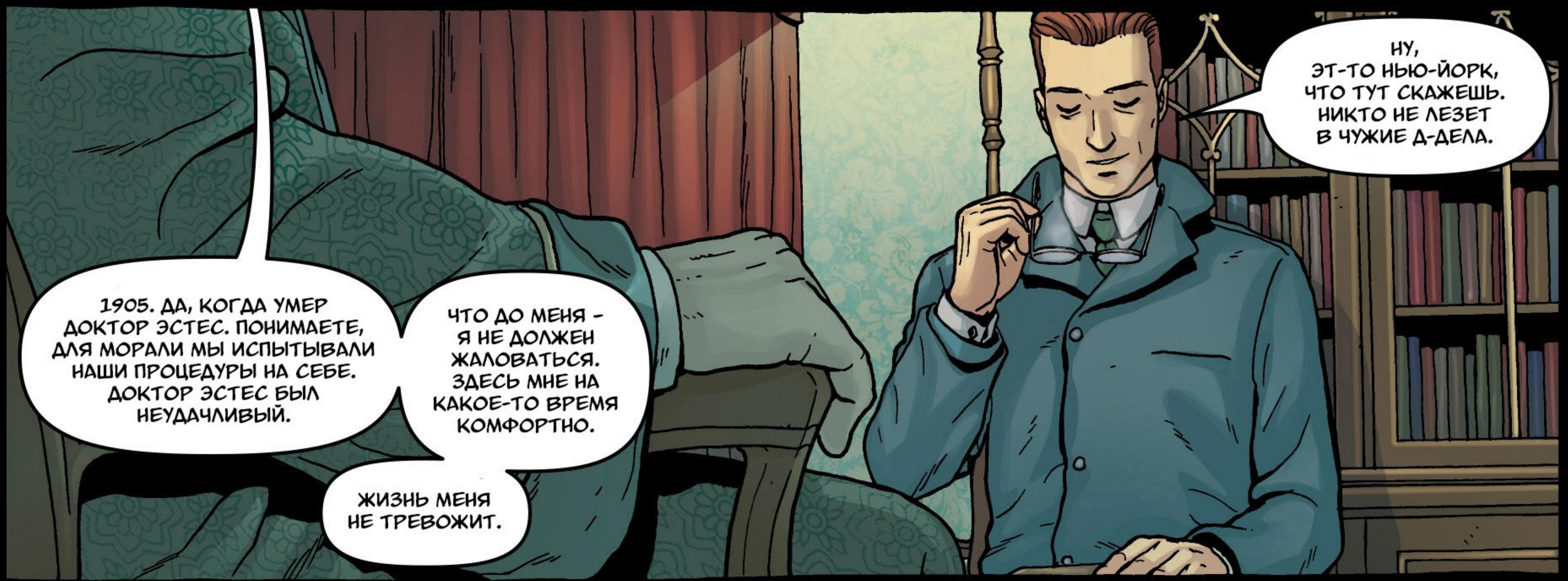

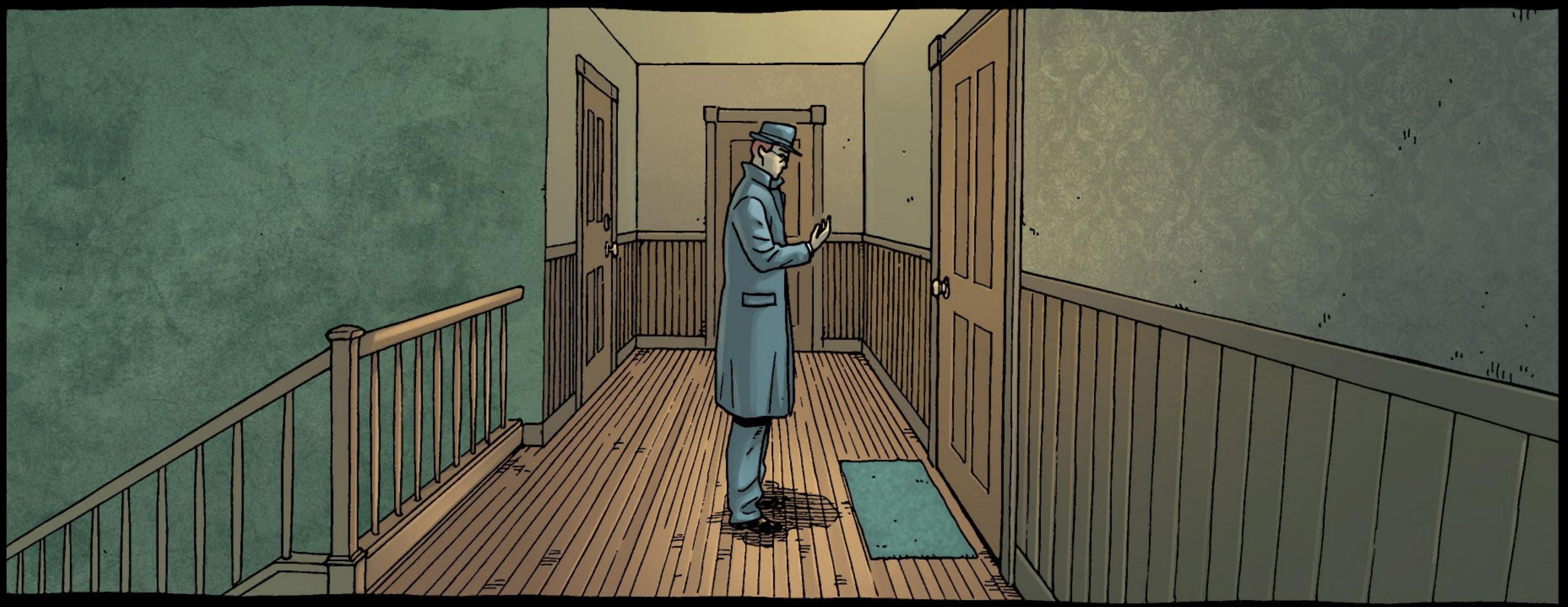

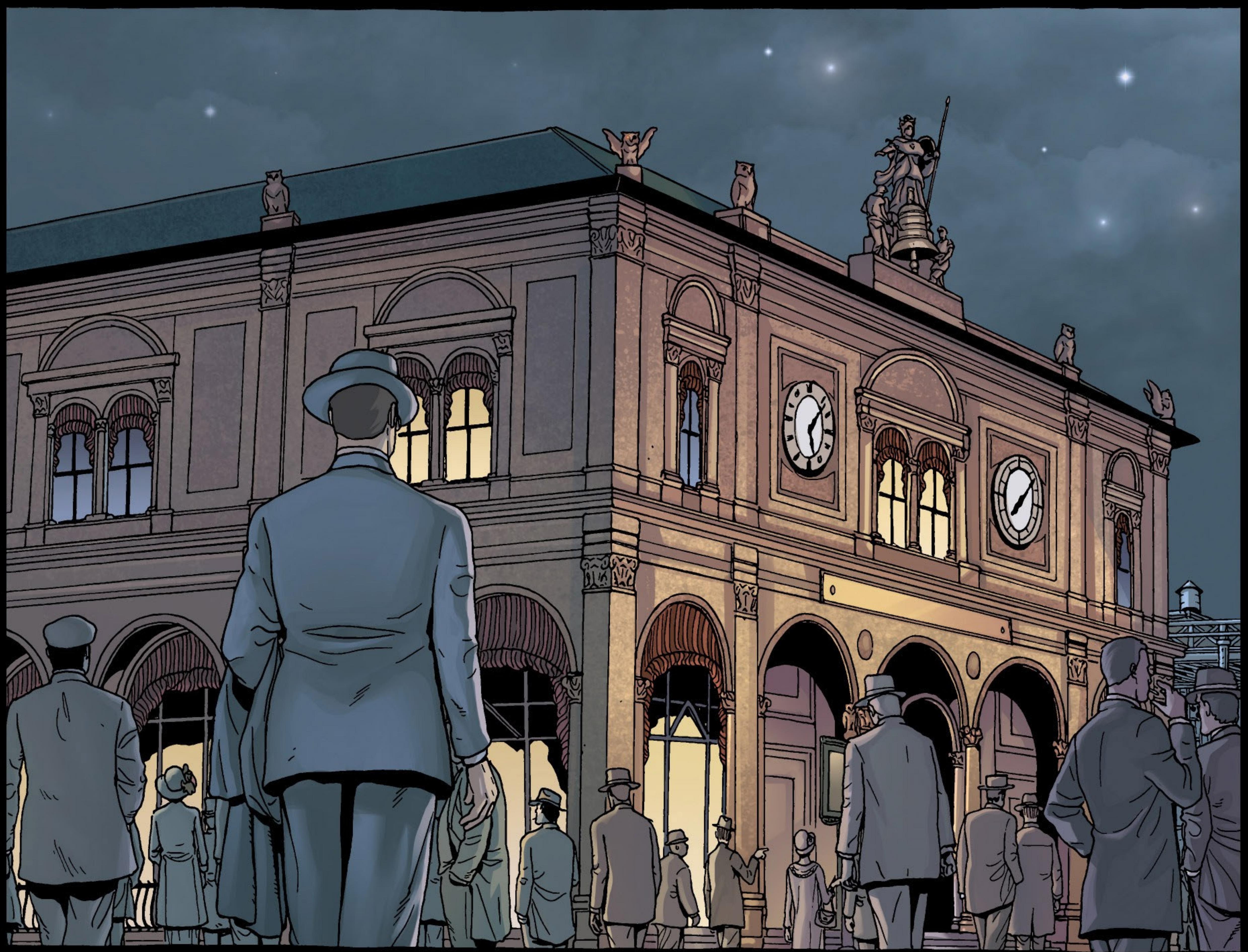

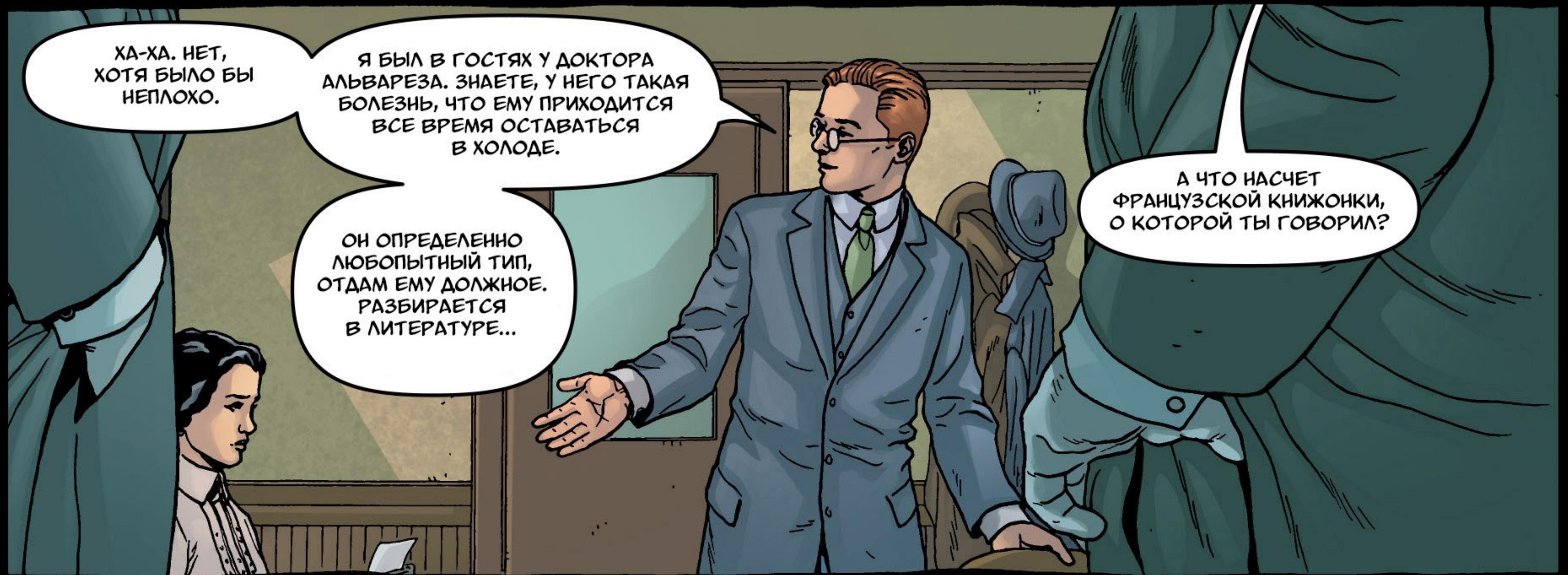

Я... Я НЕМНОГО
ЕГО ЗНАЛ, ДА.

ЧЕГО НЕ МОГУ ПОНЯТЬ - ПОЧЕМУ ТАКОЙ
МНОГООБЕЗАЮЩИЙ ЮНОША, КАК РАССЕЛ,
РЕШИЛ ПОКИНУТЬ БРЕННЫЙ МИР.

ОН БЫЛ УСПЕШЕН,
НЕ ИМЕЛ ПРОБЛЕМ
С ЖЕНЩИНАМИ, НАСКОЛЬКО
Я ЗНАЮ, И БЫЛ ИЗВЕСТЕН
В ГОРОДЕ...

ПРИССИ, ЗАЧЕМ ТЫ ТАК.
НУ, ВЫПИВАЮ ИНОГДА.
А КТО НЕТ?

ФРЕДИ ДИКС,
ЕСЛИ ТЫ ДУМАЕШЬ,
ЧТО НИКТО НЕ ЗАМЕЧАЕТ
ТВОЮ ФЛЯЖКУ,
ТО ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ.

ЗНАЕШЬ, ЕСЛИ ВЫ,
ДАМОЧКИ, ПОЛУЧИТЕ
ПРАВО ГОЛОСА, Я УЕДУ
ИЗ СТРАНЫ.

ПОЛАГАЮ, ЕСЛИ ХОРОШЕНЬКО
ПОКОПАТЬ, МЫ НАЙДЕМ
КАКОЙ-НИБУДЬ МОТИВ.

ЧТО СКАЖЕТЕ, МИСТЕР БЛЭК?
ЕСТЬ МЫСЛИ, ПОЧЕМУ РАССЕЛ
ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ?

ТАК И ЗНАЛА!
Я ЖЕ ГОВОРИЛА? ПРЯМО
КАК В «ЖЕЛОЙ ШТУКЕ».

ОГО, ВОТ ЭТО ПОДАРОК.
НЕМЕДЛЕННО ДОБАВЛЮ
В СВОЙ ТЕКСТ...

НУ-НУ! ПОХОЖЕ,
КТО-ТО СВЕРХУ ВСЕ ЖЕ
ПРИСМАТРИВАЕТ ЗА НАМИ.

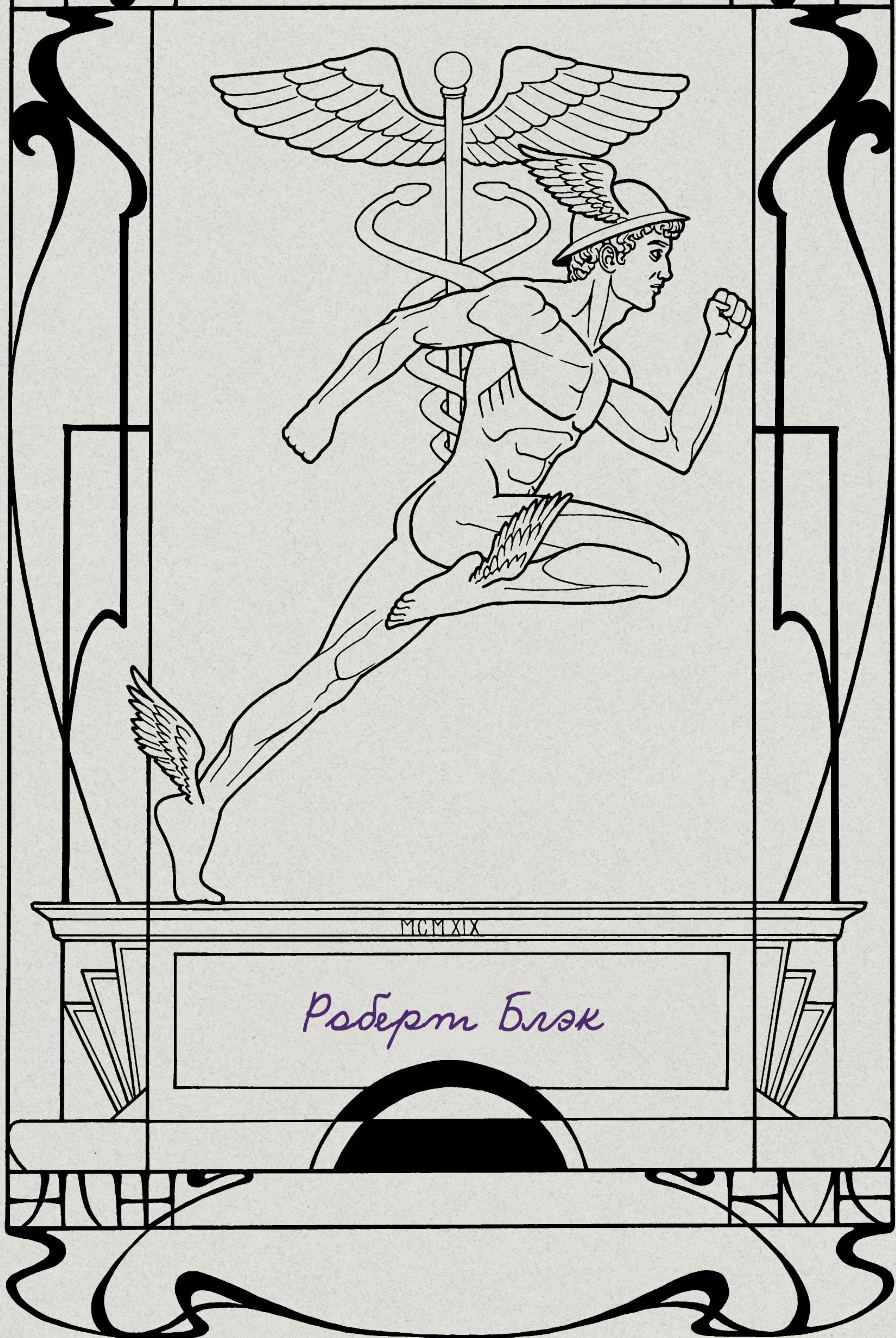
ДАЖЕ В НАШЕМ ГОРОДИШКЕ
НАХОДИТСЯ МЕСТО ДЛЯ
МИЛОСЕРДИЯ.

Я З-ЗНАЮ,
ЧТО ОН ЧИТАЛ
«Sous le Monde».

Tempago gne заменск

• EX·LIBRIS •

Я не знал, как
Я никогда не думал, что

5 июня 1919

Сегодня мой любовник покончил жизнь самоубийством в Саду Венеса в парке Брайант, потому что я забрала наши романы. Я два часа пыталася написать это предложение, и что теперь?

Ну, теперь я пьяна. Поверить не могу, что это все вправду. Поверить не могу, что Лили болеет нет. Конечно, я не могу пойти на похороны. В таком состоянии я даже не уверена, что могу продолжать работу в «Геральде». Теперь все это грызет внутри меня, а в двух этажах ~~надо~~ ниже за открытыми окнами на улице у Таймс-сквер стоят крики и звонят трамваи, будто ничего не произошло. И дело не только в Лили. Сегодня я встретила этого человека, доктора. Живет на Зап. 14-й. Это тот же д-р Альварез, что писал критику на «Sous le Monde» Гюса, с которым меня знакомила Лили. У Альвареза какие-то медицинские показания, по которым приходится поддерживать температуру у нулевой отметки, но что он мне сказал! О жизни, и любви, с целой скромной Америке тайных жизней. И будь я проклята, если слышала что-то правдивей. Это правда обо мне, это правда с Лили. О боже, Лили мертва. Я болею никогда не пригложу эти воспоминания. Никогда не пригласлю этот подбородок. Я ничего не понимаю и только и делаю, что плаку. Я попробую еще раз. Я буду продолжать снова и снова.

Протягивая час с момента, когда я написал абзац выше, и кажется, мне полегчало, а если и не полегчало, то я хоть как-то вжал седе в руки. Теперь я поняла, что если я хочу разобраться, то мне нужно все расписать по порядку. Первое — сама эта тетрадь, которую Лили подарила мне несколько недель назад после того, как я произнес речь с теми, что знакомы брали работу и попытать счастья на поприще писателя. Естественно, я и понятия не имела, для чего это нужно, пока мне терпеливо не объяснили, что она называется «тетрадь для заметок» и что их вели множество великих писателей, даже такие литературные величины, как гениальный Джек Лондон. Оказывается, это подручный блокнот, в который можно в любой момент заносить обрывки мыслей, имена персонажей, или сны, или случайно подслушанные реплики, что могут пригодиться в будущем литературном предприятии. И я только сейчас осознала, что делала первую запись в тетради, которую мне подарили любимый человек, и пишу я с его самоубийством — того единственного, кто в меня верил. Я не могу пойти на похороны. Не могу.

Но хватит сб этого. Сегодняшний день начинался с газурных небес, которые кажутся идеальными лишь для того, чтобы затем вероломно тебе предать. Я пришел в офис и обнаружил, что Эфраим Пози лежит на туда-сюда, потому что наши Великий и Ужасный наверху пришли в голову, что материал с Версале нужен завтра, а не на следующей неделе, так что я немедленно сел и принял за него. И справился неплохо, хотя и сущу сб этого сам (невыносимое бремя на экономике Германии и вероятность воссоздания условий, при которых дальнейший конфликт неизбежен, и т.д. и т.п.), и покончил с занудным делом уже к обеду, только чтобы обнаружить, что Пози снова впал в отчаяние — теперь из-за рекламы на постстражицах, которую отозвали через несколько часов после самой последней минуты. Все отчаянно пытались выдумать хоть что-то, чем не стыдно занять место, и в безнадежности юной Фредди Дикс предложила написать что-нибудь о дьяволе из Джарси, хотя эти глупости имели место более десяти лет назад и могли с таким же успехом могли бы вспоминать о «Титанике». Так или иначе, в этот момент Присси Тернер, которая все утро стригла мне глазки, пропищала в своей обычной пустоголовой манере с «Королем в желтой» Чайлдера (она упрямно называет его «Желтой штукой»), которого путала с «Sous le Monde» Клода Гийе; а все потому, что я мельком забранил эти названия в разговоре с ней весной, когда она стояла рядом и делала вид, что смахивает взбраживающую пыль с моего плеча, притворяясь, будто слушает, с тем я говорю. Желая ее поправить, хотя и не зная толком, зачем старалась, — может, пыталась подняться в глазах Пози, — я упомянул о статье д-ра Альвареза с «Sous le Monde», и не успел оглянуться, как уже стоял на Зап. 14-й — невидно, в довольно знакомом мне районе города. Местные «девицы» смерили меня опытными взглядами и отвернулись, решив, что я в лучшем случае — трамп времени, а в худшем — конкурент. Кажется, пару из них я узнал.

Когда я нашел квартиру Альвареза — один из нависающих коричневых особняков, которые так ~~любят~~ любят в этих местах, — дверь после долгого ожидания открыла экономка Альвареза, латиноамериканка погодных лет по имени Ортега — причем я был готов поклониться, что она вошла в знойной шубке на голове тепла. Когда она пригласила меня внутрь и отвела наверх в комнату доктора, этой тайне быстрее нашлась разгадка — они с доктором развлекались в его комнате, когда я стал ложиться в кровлю и портить им времяпрепровождение. Поскольку, как я указал выше, в комнатах

д-ра Альвареза стимул ходил благодаря самой современной
загадительной системе, которая появилась на рынке недавно и
работает на алишаке, было непросто догадаться, затем
экономике поднадобилась шубка.

Альварез - человек выдающийся. Во время разговора он очень
спокоен, не трогает зря ни единого жеста. Его терпят бледно,
и потому кожа бледная, с нездоровыми серыми отливами, который
даже показался мне зеленым в искусственном освещении, отчего я
все время думал, что, пока я говорил, он скончался, и только
тогда успокаивался, когда он отвечал на вопросы. Из-за этого
живого воображения и его безымянных пазух казалось, словно я
в обществе мысли Вальдемара, персонажа По, но вожившего
благодаря пребыванию до костей температуре, а не месмеризму,
хотя упоминаю я об этом только ради примера своего
вздубороженного и увлеченного состояния. На самом деле я даже
придумал небольшой еркий и фантастический рассказ касательно
отношений доктора с экономикой, отталкиваясь от идей в духе
По, - это, пожалуй, можно считать за задумку для рассказа,
а значит, извиняет меня в попытке использовать темперацию для
идей в качестве неформального дневника. Но самое большое
впечатление производили не внешность или поведение доктора,
а то, о чем он говорил.

Не знаю, что у него за бледно, но она словно подарила ему тонкую
зрение за пределами нашего мира. Он казался мне человеком,
который очень трепетно относится к жизни. А еще он упомянул о
том, что «Король в желании» Чамберса, оказывается,
предсказывал только что окончившуюся войну Америки с Германией
1920 года в рассказе, написанном почти за тридцать лет до этой
даты, чего я, признаюсь, в свое время не заметил.

Д-р Альварез казался таким проницательным, что
 временами я готов был поклясться, что он знает обо мне все;
 даже то, о чем он вред ли мог догадаться, просто взглянув
 на меня со стороны. Он признался мне в том, что у него есть
 тайна - наверняка имел в виду роман с пожилой мисс Ортегой, -
 и откуда-то он знал, что тайна есть и у меня. Он немного
 рассказал о «Sous le Monde» и добавил, что главным образом
 книга интересовала его из-за ссылок к старому арабскому
 трактату об алхимии, который, если я не ошибся в расшифровке
 стенографии, называется «Китаб аль-хикма аль-нахким», или
 «Книга мудрости звезд», восемнадцатого века н. э. за авторством некого
 Халида Язида. Он сказал, что текст был смесь ранней науки
 и оккультизма и соединял с четырех способах продлить жизнь

или даже воскресить мертвого, и что житель Флэтбуша по имени Роберт Сейдам представил ему и его покойному капитану д-ру Эстесу список издания, каким-то образом попавшего в Америку. Когда Альварез заговорил с похороненной или скрытой Америке, состоящей из тайных жизней людей, я представил целый неизвестный мир намеков, обменивавшихся скрытыми или экзотическими научными знаниями и информацией, обицавших таких же паразитических, как Альварез, типов, существующих невидимыми за кулисами ежедневной жизни Америки.

Уверен, это совершенная романтическая фантазия человека, который не видел мира за пределами Милуоки и Нью-Йорка, но что, если такое обицавшее или что-то в этом роде действительно существует? Разве это не подарил бы мне интересную метафору для того, с чем я действительно хочу говорить? Сомневаюсь, что наша страна готова к книге с скрытым мире, где обитают люди вроде меня и моих друзей, но если бы я мог написать с другой сети намеков, которые остаются незримыми для обицавшего, с собственными особами обицавшими и речю, почти собственным языком, то можно было бы разбросать по тексту множество намеков, высказать многое из того, что хочется высказать, не скрывая никому вкусы. Когда яставил дни д-ра Альвареза позади, в голову уже запала мысль попробовать отыскать этого д-ра Сейдама, чтобы узнать, не представит ли он мне новых зацепок для материала с людьми, которых я разыскиваю, — возможно, подробности с местонахождением таинственной арабской книги, которая, предположительно, еще ходит где-то по рукам в Америке.

Сколько же в этой истории основано на книгах: этой трилогии, что подарила мне Лили, мифах и слухах вокруг «Союз ле Монд» Гийя, которые, по заявлению Альвареза, лишь вдохнули издателя, «Короле в желании» с предсказанием войны между Америкой и Германией задолго до 1920 года и, конечно, возведение в парках Нью-Йорка «плагат смерти». Я написал все это, только чтобы не думать о Лили, но ведь и тогда дни были в книгах, именно из-за них нас так друг к другу притягивало. О боже, меня только что посетила мысль: все те наши совместные походы в библиотеку, и как мы прогуливались днем через парк, вдоль того ручья, что происходил из старого водохранилища еще до постройки библиотеки. Наши жизни, мир — все это просто ложь, проста история, которую мы выдумываем, пока не приходит время для куда более интересной истории.

~~Моя любовь мертвла, потому что я трус и потому что я
бываю. Я никакой не писатель. Доволен. Хватит с меня. Я
отправляюсь в постель, спать. И больше не хочу видеть снов.~~

«Но главным достоинством был
Манхэттенский мост и вид, что он
дарует на нью-йоркский горизонт.
Там же на месте меня и покорила
краса родного города Клея.

Он рос в сумерках из вод;
холодный, гордый и прекрасный;
восточный город чудес, братья
которому — лишь горы».

В письме Морису У. Мо,
18 мая 1922